

Н. М. Маркдорф

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

«ВЛАСОВЦЫ» И БЕЛОЭМИГРАНТЫ В ЛАГЕРЯХ И НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В СИБИРИ

Принята к публикации 23.04.2019

В статье дана характеристика численности, рассмотрены вопросы режима, особенности труда, причины заболеваемости и смертности «власовцев» и белоэмигрантов, находившихся в лагерях НКВД-МВД СССР и на спецпоселении в Сибири. В 1944—1946 гг. фильтрацию прибывших в Сибирь «власовцев» и белоэмигрантов осуществляли проверочно-фильтрационные лагеря. Затем офицеры отправлялись в лагерь для военнопленных, а рядовой состав — на спецпоселение.

В 1945 г. в Сибирь из Юденбурга (Австрия) НКВД направил более 20 тыс. человек из национальных строевых формирований вермахта, немецких пособников, курсантов разведшкол и членов контрреволюционных организаций, боровшихся, в том числе в годы Гражданской войны, против советской власти. К «власовцам» могли быть причислены все сотрудничавшие с врагом. К «спецпоселенцам-власовцам» были отнесены около 7—8 тыс. побывавших в немецком плену офицеров Советской армии, а также бывшие военнослужащие русской (царской) армии, до войны проживавшие в СССР. В 1946 г. в документах Отдела специальных поселений МВД СССР термин «специальный контингент» был заменен на условный термин «власовцы».

В лагерях и на спецпоселении происходила физическая деградация основной массы контингента, потому что «власовцы» использовались на особо опасном, тяжелом производстве: на шахтах, карьерах, строительстве. Осужденные «власовцы» и белоэмигранты отбывали срок в исправительно-трудовых колониях и лагерях или содержались в тюрьмах до 1955—1956 гг.

Ключевые слова: «власовцы», белоэмигранты, проверочно-фильтрационные лагеря, Сибирь, лагерь для военнопленных, спецпоселение.

DOI: 10.32324/2412-8945-2019-1-26-32

В июне 1945 г. в г. Юденбурге (Австрия) на основании Ялтинских соглашений командование английских союзных войск в ведение Отдела контрразведки (ОКР) СМЕРШ НКВД СССР были выданы лица, входившие в состав добровольческих национальных соединений вермахта и воевавшие на стороне Германии против СССР. В соответствии с директивами начальника Тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 18 января 1945 г. все военнопленные офицеры, гражданские лица, служившие в составе немецких строевых соединений, восточных частей, РОА, полицейские, старосты, перебежчики и агентура подлежали в обязательном порядке направлению в распоряжение НКВД и через прифронтовые проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) и сборно-пересыльные пункты (СИП) распределялись по различным отдаленным регионам СССР. Насильственная репатриация в Сибирь проводилась с декабря 1944 г. до первой половины 1946 г.

Первые 7 010 репатриантов поступили в Сибирь в декабре 1944 г. — первой половине 1945 г. Это были находившиеся в плену в Финляндии

и Германии 4 тыс. человек, а также русские военнопленные в немецкой военной форме из Северной Франции, Италии, Северной Африки — 3 010 человек. Около 70 % служащих в восточных легионах (в основном русские, узбеки, таджики, армяне, азербайджанцы), работавших в различных немецких органах и учреждениях (хиви, нем. *hilfswilliger*), были выданы по устной договоренности советского и английского правительств. В этот период репатриация производилась относительно небольшими группами — от 500 до 2 тыс. человек. Часть контингента после проведенной оперативно-следственной работы поступила в лагерь НКВД СССР для военнопленных № 142, расположенный на юге Кузбасса, реорганизованный в апреле 1945 г. в лагерь НКВД-МВД СССР для военнопленных № 525, выполнявший не только производственные задачи, но и функции фильтрации военнопленных и интернированных [9].

На основании постановления Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 18 августа 1944 г. «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей» и директивы Отдела ПФЛ НКВД

от 7 мая 1945 г. № 53/3714 в июне 1945 г. через фильтрационные лагеря Второго Белорусского и Первого Украинского фронтов в Кемеровскую область были репатрированы 1 235 поляков, арестованных СМЕРШ в январе-апреле 1945 г. в освобожденных Советской армией районах Западной Украины, Польши и Германии. Социально опасных, членов различных националистических партий, сотрудников гестапо, полицейских, подозреваемых в шпионаже лиц, участников карательных акций (923 мужчины и 312 женщины) распределили по лагерям МВД № 503 и № 525 [29]. В июне-сентябре 1945 г. в Кемеровскую и Новосибирскую области репатриировали латышей, эстонцев, литовцев, белорусов, в том числе из ПФЛ Гродненской, Брест-Литовской, Московской областей. Оставшиеся после арестов и проведенной дополнительной проверки были переведены в категории «интернированные группы „Б” (арестованные)» и «военнопленные».

В лагере МВД № 199 Новосибирска с декабря 1944 г. по ноябрь 1945 г. находились русские эмигранты сформированного в Югославии полка СС «Варяг» [1].

В соответствии со списками, согласованными с Отделом контрразведки (ОКР) СМЕРШ Западно-Сибирского военного округа (ЗапСибВО), в период с 7 августа 1945 г. по 1 ноября 1945 г. в ПФЛ № 0314 (Кемерово) из лагеря № 199 были отправлены двумя партиями 773 репатрианта, в том числе 97 человек — русские, 167 человек — латыши, 245 человек — эстонцы и 264 человека, национальность которых не указана, затем их в качестве военнопленных передали в лагерь МВД № 503 [30].

Согласно директиве заместителя наркома НКВД СССР № 110 от 5 июля 1945 г., в июле 1945 г. в ПФЛ № 0315 (г. Прокопьевск) и ПФЛ № 0314 (г. Кемерово), Печерлаг (Тюменская область) прибыли вместе с семьями около 20 тыс. бывших военнослужащих национальных строевых формирований вермахта, в том числе солдат Русской освободительной армии (РОА), частей Походного атамана Казачьего Стана генерал-майора Т. Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, казачьих учебного и резервного полков под командованием генерала А. Г. Шкуро, Русского охранного корпуса генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М. А. Семенова. По определению ОКР СМЕРШ ЗапСибВО, около 50 % нового контингента являлись в прошлом активными немецкими пособниками, курсантами разведшкол и членами контрреволюционных организаций, боровшихся, в том числе в годы Гражданской войны, против советской власти [10].

Во исполнение постановления ГОКО СССР от 18 августа 1945 г. № 9671 служившие в немецких строевых формированиях лица должны были расселяться в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печерского угольного

бассейна. Однако распоряжений о передислокации контингента не последовало, и большая его часть осталась в Кузбассе [11]. Определенные на поселение «власовцы» в Тюменской области через Печерлаг были отправлены на строительные работы «объекта № 501 — Мертвой дороги» [26]. В Кузбассе в соответствии с приказом начальника Управления НКВД СССР по Кемеровской области генерал-майора Шамарина был установлен порядок приема эшелонов «власовцев», их дальнейшая фильтрация и распределение (за исключением уже выявленных военных преступников) в территориально близкие отделения лагеря для военнопленных МВД СССР № 525. По имеющимся немногочисленным архивным источникам, в ПФЛ № 0314 был сосредоточен рядовой состав «власовцев», которые после проведенной проверки должны были передаваться в лагерь МВД для военнопленных № 503 (более 2 тыс. человек), но в основном на спецпоселение [12].

По состоянию на 25 августа 1945 г., на территории Кемеровской области в ПФЛ № 0315 и лагере № 525 НКВД СССР для военнопленных были сосредоточены: «власовцы» — 18 721 человек; «белоэмигранты» — офицеры и солдаты Русского охранного корпуса — 331 человек; 775 женщин и 289 детей [13].

В августе 1945 г. 6 065 заключенных, состоящих из немцев и всех офицеров (или 14,8 % от общего числа военнопленных, поступивших в лагерь Кемеровской области за 1945 г.) [34], вывели в новую обособленную зону, расположенную в пос. Тырган г. Прокопьевска (отделение № 25 лагеря МВД СССР для военнопленных № 525), а затем их частично распределили по другим отделениям лагеря. Рядовой состав «власовцев» вместе с семьями (256 женщин и детей) оставили в лаготделении № 6 пос. Зенково Прокопьевского района. После проводимой фильтрации (кроме осужденных, арестованных и подследственных) их передавали в постоянные кадры угольной промышленности с режимом спецпоселения [14].

К октябрю 1945 г. этот контингент был сосредоточен в 11 лаготделениях ПФЛ № 0315 и 6 лаготделениях лагеря МВД СССР для военнопленных № 525 и закреплен за крупными угольными трестами и строительными управлениями («Молотовуголь», «Кузбассшахтострой», «Куйбышевуголь», «Сибстройпуть», «Востокжилстрой», «Кузбасспромстройматериалы») [15; 35].

В октябре 1945 г. в лагере № 525 пос. Абагур-Лесной Кузнецкого района разместили 808 женщин и детей из Казачьего Стана атамана Т. Н. Доманова, плененных в г. Лиенце (Австрия) и переданных в г. Юденбурге советским властям. Все находящиеся в лагере женщины были женами и матерями казаков — подданных СССР, Германии, Сербии, Югославии, Польши, Италии, Франции или без определенного гражданства. Многие из них до войны проживали в Харьковской, Николаевской, Воронежской, Ростовской, Горьковской, Кировоградской, Ленинградской

областях, Краснодарском крае и других регионах СССР. Практически все женщины имели детей. В лагере находились также беременные женщины и подростки без родителей [40]. К началу 1946 г. семьи «власовцев» были определены на спецпоселение. При этом малолетние сироты и подростки без родителей в возрасте до 14 лет направлялись в детские приемники НКВД СССР. Молодежь старше 14 лет и женщины, которые, по оперативным данным, не подлежали передаче в промышленность, направлялись вместе с их детьми для дальнейшей оперативной разработки в ОКР СМЕРШ и содержались в лагерных отделениях на правах военнопленных.

К 15 мая 1946 г. в СССР были ликвидированы проверочно-фильтрационные лагеря, и процесс фильтрации «власовцев» продолжался уже непосредственно в лагерях для военнопленных. Среди переданных на поселение активизировалась агентурно-оперативная и следственная работа.

Правовой статус «власовцев» и белоэмигрантов определяло Положение о режимных лагерях, утвержденное приказом НКВД СССР 9 сентября 1944 г. В соответствии с приказом начальника Управления лагеря № 525 от 27 декабря 1945 г. все пленные иностранцы, приговоренные ревтрибуналом к каторжным работам на длительные сроки заключения (в том числе офицеры), должны были оставаться в Сибири, использоваться на особо опасном производстве (на угледобыче и в строительстве), изолироваться и содержаться под усиленной охраной.

За период 1945—1949 гг. происходили большие подвижки контингента. Так, более 55 % были переданы на спецпоселение [33], около 8 % были отправлены в тюрьмы и после отбытия наказания обратно в лагерь [39]. В марте 1948 г. после фильтрации оперативным отделом переведены из категории «военнопленные» в категорию «власовцы» 604 человека (около 10 %) [31]. К этому времени в лагерях оставались 168 казачьих-эмигрантов и 606 осужденных «власовцев» [16]. В их отношении постоянно велась агентурно-розыскная работа.

Если 67,8 % «власовцев» являлись гражданами Германии, Австрии, СССР, то среди репатриированных в Сибирь белоэмигрантов 32,2 % имели подданство Франции, Югославии, Германии, Греции, Бельгии, Польши, Болгарии, Чехословакии, Румынии (хотя многие и продолжали считать себя подданными Российской империи). В лагере № 525 оказались немногочисленные граждане США (поляки — 0,1 %), Палестины (адыги (черкесы) — 0,2 %). При этом лица с неустановленным подданством составляли 5,4 % [32].

Приведем данные из наиболее типичных оперативно-следственных и учетных дел, заведенных в сибирских лагерях на белоэмигрантов. В одном из дел-формуляров читаем: «Русский эмигрант, полковник, подданный Германии. Атаман от Терско-Ставропольских казачьих станиц. До 1918 г. служил в царской армии в чине есаула, в 1920-м добровольно вступил в армию Деники-

на, командовал полком, затем был помощником начальника штаба бригады. После разгрома Деникина бежал в Крым. Вместе с армией Врангеля эмигрировал за границу. Жил в Берлине. Поддерживал контакты с Красновым. В 1944 г. добровольно вступил в казачьи части. В лагере МВД № 525 был осужден как военный преступник. Умер в 1948 г. в тюрьме № 3 г. Сталинска» [17]. В другом учетном деле подследственного русского эмигранта указано, что он родился в Варшаве, вместе с родителями из России в пятилетнем возрасте уехал в Грецию. Жил в Египте, Югославии, Германии. Был участником Национального трудового союза нового поколения. В 1941 г. добровольно вступил в Русский охранный корпус, принимал участие в боях против югославских партизан. При штабе Доманова служил переводчиком немецкого и английского языков. В 1946 г. был передан в лагерь № 525, где был арестован по подозрению в шпионаже. Отбывал срок в тюрьме № 3 г. Сталинска, затем в феврале 1948 г. отправлен в Красногорский офицерский лагерь № 27 в Подмоскowie [18].

Среди «власовцев» и белоэмигрантов, отбывавших плен в лагере № 525, 97,9 % были офицерами. При этом 55,8 % составляли штаб-офицерский и обер-офицерский командный состав частей походного атамана Казачьего Стана Т. Н. Доманова и XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица: атаманы казачьих станиц (полковники и подполковники казачьих войск), командиры сотен и начальники подразделений РОА, есаулы, подбесаулы казачьих сотен, штабные офицеры, полковые священники (полковники). По принадлежности к родам войск: 84,4 % — пехотинцы и 15,6 % — кавалеристы.

В лагере содержались атаманы Зверевской и Галдинской сотен, являвшихся составными частями Казачьего полка особого назначения, следователи казачьего суда, юристы; начальник контрразведки штаба Доманова; корреспонденты и редакторы газеты «Казачий клинок», журнала «На боевом посту», чиновники, коллежские асессоры, коллежские советники; военные врачи, конструкторы авиационной промышленности, научные работники. В 1946 г. среди «власовцев» и белоэмигрантов были установлены официальные работники разведывательных и контрразведывательных органов, таких как «Цеппелин», абвергруппы 103, 201, 202, 205, зондергруппа «Петер», отдел 1С Домановской армии, школа пропагандистов РОА, ягдкоманда и др.; разоблачены руководители и участники различных контрреволюционных организаций: РОВС, Национального трудового союза нового поколения, Союза участников великой войны, Союза казачьих-комбатантов, Политического центра борьбы против большевизма и др. [19] За 1946—1947 гг. были выявлены 59 членов различных националистических, фашистских партий и Гитлерюгенд, среди которых арестованы 11 офицеров [20]. Следует отметить, что 4,3 % «власовцев» ранее входили-

ли в состав социал-демократических и коммунистических партий; 89,8 % были беспартийными.

На спецпоселение «власовцы» отправлялись по распоряжениям Совета народных комиссаров (СНК) СССР, регламентирующим их расселение и труд. В Сибири и на Дальнем Востоке их преимущественно расселяли в Кемеровской, Иркутской, Якутской, Читинской, Тюменской областях, Красноярском крае, Бурят-Монгольской АССР и Тувинской автономной области. Незначительное число «власовцев» проживало на территории Алтайского края, Омской и Томской областей.

Рост численности «власовцев», переводимых из ПФЛ и лагерей для военнопленных на спецпоселение, наблюдался всю вторую половину 1940-х гг. В Сибири количество «власовцев», прошедших переучет (без арестованных и бежавших), на 1 января 1949 г. составило 39 475 человек. При этом 20 347 человек числилось по областям Западной Сибири и 19 128 человек — в Восточной Сибири.

По статистическим данным Отдела «А» МГБ СССР, на спецпоселение было направлено 101 614 человек. Отдел спецпоселений фиксировал следующую динамику поступления их на учет (человек) [2]:

1945 г.	4 985
1946 г.	132 794
1947 г.	30 751
1948 г.	4 573

В 1949 г. контингент ссыльных этой категории увеличился еще на 3 705 человек, в 1950 г. — на 2 078 человек, за первую половину 1951 г. — на 316 человек [4]. Суммарно за весь период речь идет о цифре в 179 202 человека [3].

«Власовцы» числились по 39 министерствам и ведомствам. Их труд регулировали нормы советского трудового законодательства. Основная масса контингента на начало 1951 г. была занята в системе МВД, остальные — в системе министерств угольной, строительной, лесной и бумажной промышленности. Для каждого региона наблюдалась своя специфика применения их труда. Например, в Кемеровской и Иркутской областях они в основном трудились в угольной и лесной промышленности и на строительстве.

В период нахождения в лагерях и на спецпоселении происходила физическая деградация основной массы контингента, потому что «власовцы» использовались на особо опасном, тяжелом производстве: на шахтах, карьерах, строительстве. При этом продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно допустимых физически и максимально высоких норм выработки [36; 6]. За каждый случай отказа от работы без уважительной причины, недобросовестное отношение к труду, несоблюдение режима виновные водворялись в карцер, а при систематических нарушениях привлекались к уголовной ответственности. Питание «власовцам» выдавалось по следующим нормам: а) выполняющим и перевыполняющим

нормы — по норме № 1, но без дополнительного питания; б) отказчикам от работы и не выполняющим производственные задания — по норме содержащихся на гауптвахте и подследственных с выдачей горячей пищи через день [37; 7]. Денежное вознаграждение выплачивалось только в случае выполнения 100 % нормы выработки за месяц, в размерах 85 % от суммы заработка и не превышало 200 руб.

Вредные условия труда, недостаточная обеспеченность инвентарем и спецодеждой, отсутствие навыков к тяжелому физическому труду (особенно у белоэмигрантов и членов их семей), низкокалорийное питание, постоянный психологический стресс приводили к быстрой физической деградации, потере трудоспособности, невозможности выполнять сменные задания, постоянному сокращению трудового фонда [42; 8].

Незанятые на подземных работах в угольной, лесной промышленности и на строительстве «власовцы», как правило, в выходные дни привлекались к работам в зоне и ремонту дорог, чем лишались полноценного отдыха. Кроме того, в течение всего рабочего дня амбулаторные больные задействовались на переборке картофеля, а «власовцы» III группы трудоспособности и больные дистрофией использовались на производстве наравне с I—II категориями по 10—12 часов в сутки, в том числе на земляных, погрузочно-разгрузочных работах [21].

Лагерные стационары и амбулатории с потоком больных не справлялись. Кроме того, «власовцы», как режимные категории, медицинскому обслуживанию в иных гражданских лечебных учреждениях не подлежали. Единственный случай помещения эмигранта С. М. Сухорукова в психолечебницу г. Томска с диагнозом «травматическая шизофрения, экзогенный психоз» был зарегистрирован в 1948 г. [22; 28]

В среде эмигрантов более 30 % составляли лица преклонного возраста (50—71 год) [38]. К началу 1947 г. эта возрастная категория сократилась до 17,4 % ввиду высокой заболеваемости и смертности, передачи на поселение, арестов, отправки в тюрьмы и в ИТЛ.

В результате быстрой физической деградации смертность среди репатриантов была значительной и в целом равнялась за период 1945—1949 гг. 31,2 %, или около 6 % от общего числа умерших в лагере. Этот показатель был выше у трудоспособных возрастов (18—50 лет) — 68 % в сравнении со старшей возрастной группой (51—71 год) — 32 %. Так как штаб-офицерский и обер-офицерский составы использовались преимущественно на тяжелых контрагентских работах, то смертность среди них составила 46,1 %, у нижних чинов — 53,9 %. При этом самые большие показатели смертности были отмечены среди немецких и русских (белоэмигранты) офицеров — 53,86 и 36,5 % соответственно.

Если в 1946—1947 гг. смертность в лагерях снизилась в два раза, преимущественно за счет сокращения численности репатриантов после пе-

редачи их частично на поселение, то в 1948 г. вновь возросла до 18,4 % во многом благодаря ухудшению морально-психологического состояния отстраненных от репатриации людей¹ и комплексу нерешенных медицинских и санитарно-бытовых проблем.

Положение на производстве данной категории было наиболее сложным, так как лагерный персонал, администрация промышленных предприятий и вольнонаемные рабочие относились к ним как к врагам, предавшим родину в годы войны, что, в свою очередь, усиливало их социальную и психофизическую дезадаптацию. Одним из факторов, оказавшим влияние на рентабельность труда этой категории спецконтингента, являлся производственный травматизм вследствие отсутствия охраны труда в условиях опасных технологических процессов. Например, бывший военный служащий РОА Карл Филькорн о своей работе в шахте г. Прокопьевска вспоминал: «Мы видели, как русские перебираются из забоя. Они ждут, когда придет вагон с углем, каждый из них запрыгивал и ложился так, что руки и голова свисали впереди. Это было против всяких правил техники безопасности, но измотанные в шахте люди об этом не думали. Выбившиеся из сил «власовцы», особенно немцы и русские, следовали их примеру. Электровозы шли на большой скорости, пассажиров на поворотах сбрасывало с вагонов. Чуть приподнял голову — и головой об стойку» [27]. Люди гибли еще и потому, что железнодорожные пути были в «плачевном» состоянии, а ремонтные бригады не успевали приводить их в порядок. «Власовцы» проносили в шахты табак и спички, что создавало взрывоопасные ситуации. УМВД по Кемеровской области в конце 1945 г. констатировало, что 37 % от общего списочного состава «власовцев» и белоэмигрантов имели на производстве травмы различной тяжести (в том числе и со смертельным исходом).

«Власовцы», бывшие белоэмигранты и члены их семей являлись наименее адаптированной категорией к условиям сибирской лагерной повседневности как физически, так и социально-психологически. Наличие высокого процента ослабленных, больных и инвалидов на фоне серьезных трудностей вплоть до середины 1948 г. с медицинским обслуживанием во многом объясняли причины низкой эффективности их труда. В течение второй половины 1948—1949 г. лечебно-оздоровительная работа улучшилась, главным образом по линии организации и качества лечебной помощи, а также профилактики заболеваний.

Среди «власовского» контингента было много людей, склонных к побегам. Целой серией нормативных актов настоятельно рекомендовалось в лагерях НКВД-МВД, в лагерях ГУЛАГа и на спецпоселении усиливать агентурно-оперативные и следственные действия в отношении «власовцев» и белоэмигрантов. Все возрастающее

число побегов не только стало предметом беспокойства региональной администрации, но и обсуждалось на уровне МВД СССР, Отдела спецпоселений. Так, письмом от 1 декабря 1945 г. заместитель наркома угольной промышленности Литвинов отмечал: «На шахтах и предприятиях трестов не соблюдаются установленные НКВД СССР режимные условия... Вольнонаемные рабочие общаются с власовцами и обслуживаются одновременно. На рабочих местах отсутствуют ограждение и освещение, что весьма способствует побегам. Не созданы специальные участки в лавах и забоях. Не производятся обыски при выводе на работы и по возвращении в зону. Особо опасный контингент и склонные к побегам лица от основной массы военнопленных, спецконтингентов и вольнонаемных не изолированы» [23]. Благодаря «распыленности» «власовцев» и белоэмигрантов по объектам в противовес приказам и инструкциям МВД СССР создавалась путаница в учете, что приводило к невозможности своевременно установить совершивших побег и принять меры к их задержанию. Проведение оперативно-розыскных мероприятий существенно осложнялось за счет наличия в области большого количества различных категорий спецпоселенцев.

Для устранения этой ситуации был усилен контроль и наблюдение за контингентом при спуске в шахту и подъеме на поверхность, а также учтены неохранные шахтные галереи, выработки, шурфы и выделены в них дозоры. Кроме того, на путях передвижения контингента и на объектах работ курсировали патрули, переодетые в гражданскую одежду. Было принято решение не выводить группы «власовцев» численностью менее 25 человек на работы [24].

«Власовцы» активно использовались на допросах, в судебных процессах, часто перебрасывались из лагеря в тюрьмы и обратно в лагерь. В результате на всех офицеров и частично рядовых «власовцев» были заведены дела по обвинению в шпионаже, пособничестве, участии в контрреволюционных организациях, как на «лица, родившиеся и проживавшие в эмиграции, семьи белоэмигрантов». Например, за 1947—1948 гг. были закончены следственные дела на 223 белоэмигранта, 461 дело оформлено на Особое совещание МВД СССР по предъявленным доказательствам о враждебной деятельности против Советского Союза [25]. С июня по декабрь 1948 г. 99 офицеров-белоэмигрантов (в чине от лейтенанта до полковника) за совершенные государственные преступления осуждены судом Военного трибунала по ст. 58.3, 58.4, 58.5, 58.8, 58.10, 58.11, 58.13, 58.15 УК РСФСР и переведены для отбытия наказания в тюрьму № 3 г. Сталинска. Из них 92 % составляли русские (подданные Франции, Германии, Югославии и лица с неустановленным подданством) трудоспособного возраста (31—60 лет) — всего 83 человека [5]. Удельный вес арестованных по обвинению в карательной и предательской деятельности среди «власовского» контингента (как в лагерях, так

¹ «Власовцы» и белоэмигранты — подданные различных европейских государств — репатриации не подлежали.

и на спецпоселении) за весь период их пребывания в Сибири оставался самым высоким по сравнению с другими категориями спецконтингента и уступал лишь такой категории спецпоселенцев, как члены ОУН и УПА [41].

Всех осужденных к ссылке на поселение за вражескую деятельность и антисоветские связи направляли на Дальний Север; в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 км севернее Транссибирской железнодорожной магистрали; в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей.

В 1951—1952 гг. «спецпоселенцы-власовцы» из числа немецкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар — уроженцев и жителей республик, краев и областей, откуда производилось выселение в годы войны, переводились на спецпоселение навечно. Остальные лица этой категории по отбытии шестилетнего срока освобождались.

В 1952—1954 гг. в числе регионов, сосредоточивших крупные контингенты «власовцев», оставалась Сибирь. На 1952 г. это — Якутская АССР, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская области. Почти 10 % содержались в лагерях ГУЛАГа, в том числе в Красноярском крае (Енисейстрой, Норильлаг); в Тюменской области (Печерлаг, Обский ИТЛ), в Кемеровской области (Сиблаг). В Сиблаге они, например, находились до 1958 г.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Репатриация из европейских стран в Сибирь идеологических противников в лице бывших участников различных эмигрантских международных организаций, изменников родины, предателей, военных преступников, воевавших в годы войны на стороне Германии, производившаяся в 1944—1946 гг., была тесно связана с политическими процессами и в зависимости от них регламентировалась международными соглашениями, государственными директивами и постановлениями правительства, НКВД-МВД СССР, местными приказами и инструкциями, носящими во многом противоречивый характер. Репатриация производилась в отдаленные тыловые районы страны, отличающиеся суровыми климатическими условиями, и была во многом обусловлена высокой потребностью промышленных предприятий в рабочей силе. В то же время насильственная репатриация явилась колоссальной трагедией для тысяч людей, оказавшихся в годы Второй мировой войны, в силу политических, идеологических, нравственных причин, а иногда не по своей воле по другую сторону фронта. В своих мемуарах выжившие в Сибири граждане и неграждане СССР (эмигранты и их дети) оценивали пребывание в сибирских лагерях как «крест судьбы», объясняли Божьим промыслом, иные считали наказанием и расплатой за предательство. После проведенной фильтрации в ПФЛ часть репатриантов передавались в постоянные кадры про-

мышленных предприятий с режимом спецпоселения, переводились в категории «военнопленные» и «интернированные группы „Б”».

Осужденные военные преступники из числа «власовцев» и белоэмигрантов после завершения массовой репатриации в 1949 г. отбывали срок в исправительно-трудовых колониях и лагерях, содержались в тюрьмах до 1955—1956 гг. Часть из них уже в ИТЛ за различные нарушения лагерного режима и побегі получили дополнительные сроки лишения свободы от 6 до 25 лет.

17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», и такая категория, как «власовцы», формально перестала существовать.

Список литературы

1. Букин С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг. Новосибирск: Наука, 2000. С. 40—41, 235, 275, 304.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 82.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 132.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 368.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 779. Л. 45—46.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 701. Л. 153—165.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 701. Л. 164—165.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 737. Л. 180—214.
9. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 1, 3. Докладные записки об агентурно-оперативной работе ОКР «СМЕРШ», ОКР ПФЛ № 0315 за 1945—1946 годы. Приказы по кадрам лагеря 0315 и его отделениям.
10. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 2—3 (об.), 7, 29, 63, 84.
11. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 5. Л. 1—2, 49.
12. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 15. Л. 7—8.
13. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 5. Л. 29.
14. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 4. Л. 34.
15. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 3. Л. 76—82.

16. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 17. Л. 24.
17. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 45.
18. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 214.
19. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 5. Л. 45, 278—300.
20. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 228.
21. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 2. Л. 25.
22. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 7. Л. 8.
23. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 13. Д. 2. Л. 3.
24. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 7. Д. 4. Л. 26.
25. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 11. П. 8. Д. 15. Л. 76 ; Д. 16. Л. 13.
26. *Информационный* центр Главного управления внутренних дел Тюменской области. Ф. 2. Оп. 1. Арх. 44. Л. 1—2 ; Арх. 10919. Л. 1—5.
27. *Кабарцкий Н.* Человек, вернувшийся с холода // Шахтер. правда. 2001. 22 июня.
28. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 3и. Д. 11. Л. 74.
29. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 13е. Д. 28. Л. 1—73.
30. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 138. Л. 71, 76—84, 119.
31. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 796. Л. 33.
32. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 726, Л. 23, 32, 60, 66, 67, 79, 87, 94—98, 103, 122—123.
33. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 40 ; Д. 352. Л. 39 ; Оп. 07е. Д. 796. Л. 23, 32, 59—60, 66, 67.
34. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 353. Л. 33—37, 39.
35. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 36—38.
36. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 112—116.
37. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 115—116 ; Д. 3. Л. 54—57.
38. *Российский* государственный военный архив. Ф. 32п. Оп. 10. Д. 26. Л. 59, 60.
39. *Российский* государственный военный архив. Ф. 32п. Оп. 10. Д. 4. Л. 1—4 (об.), 11—13, 20, 26, 29, 32.
40. *Российский* государственный военный архив. Ф. 32п. Оп. 10. Д. 75. Л. 1—24 (все с об.).
41. *Российский* государственный военный архив. Ф. 32п. Оп. 10. Д. 24. Л. 345—346.
42. *Российский* государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 114 об. — 125 об.

N. M. Markdorf

«VLASOVTSY» AND WHITE RUSSIAN EMIGRES IN CAMPS AND SPECIAL SETTLEMENT IN SIBERIA

The article gives the characteristics of the population, presents the regime, the aspects of labor, causes of morbidity and mortality of “Vlasovtsy” and White Russian emigres who were in the camps of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR and in a special settlement in Siberia. In 1944—1946 “Vlasovtsy” arrived in Siberia and White Russian emigres were filtered by the screening and filtration camps. Then the officers went to prisoner of war camps, and the rank-and-file went to a special settlement.

In 1945, the NKVD dispatched more than 20,000 people from Wehrmacht national military units, German accomplices, cadets of intelligence schools and members of counter-revolutionary organizations that were fighting, including during the Civil War, against Soviet power to Siberia from Judenburg (Austria). All those who collaborated with the enemy could be considered “Vlasovtsy”. About 7,000—8,000 officers of the Soviet Army who were in German captivity, as well as former soldiers of the Russian (tsarist) army, who had lived in the USSR before the war, were referred to the “special settlement Vlasovtsy”. In 1946, in the documents of the Department of Special Settlements of the USSR Ministry of Internal Affairs, the term “special contingent” was replaced with the conditional term “Vlasovtsy”.

The physical degradation of the bulk of the contingent took place in the camps and in the special settlement because “Vlasovtsy” were used in particularly dangerous, heavy production: in mines, quarries, and construction. Convicted “Vlasovtsy” and White Russian emigres served time in correctional labor colonies and camps or were kept in prisons until 1955—1956.

Keywords: “Vlasovtsy”, White Russian emigres, screening and filtration camps, Siberia, camps for prisoners of war, special settlement.